

Кирилл Нечаев

БЕЗ ПОКОЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Нечаев

Без покоя

«Автор»

2026

Нечаев К.

Без покоя / К. Нечаев — «Автор», 2026

Просто город. Просто люди. Просто череда смертей. Просто маг-спиритист.
Никаких скелетов в шкафу, это удел некромантов. Просто последствия
ошибок.

© Нечаев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

00. Прибытие	5
01. Пробуждение	6
02. Тело без дела	8
03. О живых и о мёртвых	11
04. На три метра вглубь	13
05. Опасна и трудна	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кирилл Нечаев

Без покоя

00. Прибытие

Поезд ехал целую вечность.

Конрад в очередной раз расслабился, дав себе почувствовать каждую мышцу, каждый миллиметр, после чего резко, всем телом, напрягся. До спазма. До скрипа зубов. До боли в веках. Снова расслабление.

На какое-то время он ощутил тепло. Жизнь. Кожу перестало сковывать ледяным ветром. Этого хватит ненадолго, на минуту, не больше. Долбаный холод продолжал сковывать его с головы до ног — и ни тёплая кожаная куртка, ни поза эмбриона не помогали.

Смирившись с неизбежным, Конрад откинулся на сиденье, раскинул руки, закрыл глаза. В вагоне он был абсолютно один и вряд ли мог бы кому-то помешать. Как обычно в такие моменты мысли даже не тянулись — длились, позволяя пребывать в своеобразном безвременьи.

Тревоги, заботы о сегодняшнем дне, о жизни, рутина и яркие события — всё растворилось здесь. Осталось лишь тело, в котором поселился холод, мерная качка вагона и стук колёс.

Тудух-тудух. Тудух-тудух.

Нет ничего, кроме этого вагона.

Спустя пару вечностей Конрад поднялся. Высокий юноша в кожаной куртке, джинсах и простой футболке, на которой угадывался выцветший рисунок. Армейские ботинки пружинисто толкнули пол. Ещё раз. И ещё. Спустя пять шагов они остановились напротив двери вагона... метро? Похоже на то.

Словно отвечая на желание обладателя ботинок, поезд начал замедляться. В окнах замелькала платформа станции. Лёгкий толчок инерции — остановка.

Двери открылись, выпуская Конрада наружу. Он вышел, привычно поёжившись, в июль. Его ждал сложный день.

01. Пробуждение

Конрад открыл глаза. Резко. Будто щёлкнул тумблер, переключая его из "не быть" в "быть".

Сознание вернулось без переходов. Тело отозвалось привычно: мышцы напряжены, дыхание поверхностное, сердце бьётся ровно и экономно. Холод лежал на коже плотным слоем, как всегда. Фоновый, постоянный, давно ставший частью ощущения себя.

Он несколько секунд смотрел в потолок, собирая внимание по кускам. Пальцы шевелились. Тело перешло из горизонтального состояния в вертикальное. Ступни упёрлись в пол. Вес ощущался отчётливо, голова слегка гудела.

Ванная комната встретила щелчком ещё одного выключателя, на этот раз вполне физического. Ничего не выражающий взгляд в сторону колонки. Заиграло что-то мрачное и спокойное, подходящее скорее ночному бару.

Взгляд в зеркало. Конрад осмотрел подбородок: волосы перешли в поросль, миновав за ночь лёгкую небритость. Шум воды. Душ. Прикосновения горячего станка к коже. Пауза, пока два Конрада пристально глядели друг на друга: один здесь, другой за тонкой плёнкой амальгамы.

Кухня. Кофемашина. Большая кружка с глубокой трещиной на боку наполнилась жидкой темнотой, почти до краёв. Ровно настолько, чтобы вместить шот бренди. Конрад не глядя, привычным движением достал баночку с чёрным перцем, высыпал щепоть в утреннее зелье. Медленные помешивания, аккуратно, чтобы не образовалась воронка и содержимое не перелилось через край.

Перец щекотал ноздри. Нотка алкоголя растекалась по горлу. Тончайшая нота опьянения сняла остатки пыли, которой подёрнулось зрение.

Трек сменился. Всё тот же размеренный, почти ленивый темп, но теперь главную партию играли какие-то этнические барабаны и флейта. Последняя только ставила запятые, парой нот на окончаниях отрывков мелодии.

Сигареты лежали на столе. Серая, прохладная пачка без надписей. Рядом — поцарапанный прямоугольник "зиппы". Лёгкие приняли в себя дым, знакомый, обжигающий. Секунда задержки дыхания — и выдох. Густой дым, сплетающийся в узор. Вдох. Ожог. Выдох.

Этого хватало.

Зажужжал телефон. Конрад взглянул на экран, сделал ещё один глоток кофе. Прикрыл глаза на секунду, открыл — и только тогда взял трубку.

— Да.

Пауза на том конце. Собеседник подбирал слова.

— Доброе утро. — Мужской голос, усталый, знакомый. — Это мы.

— Слушаю.

— Есть дело. Странное.

Конрад усмехнулся краем губ, сделал затяжку.

— Адрес?

Ему назвали улицу. Район он знал: старые дома, тесные дворы, привычка города складывать лишнее вглубь.

— Буду через сорок минут.

— Не спеши, там не буянят.

— Они редко буянят, — снова усмешка. Конрад положил трубку.

Он вымыл кружку, затушил сигарету, встал у окна. Утренний город забрал права у ночи, разгоняя остатки темноты по подвалам, втягивая её в окна пыльных домов. Отражение в тём-

ном стекле выглядело привычно: уставшее лицо, жёсткий взгляд, живое тело, собранное и готовое двигаться.

Он оделся быстро. Куртка, футболка, джинсы, ботинки. Одежда для дороги и работы.

На улице стоял июль. Воздух был влажный и тёплый. Тело отозвалось коротким, почти машинальным напряжением. Куртка не спасала от холода, только держала форму.

Город шумел. Машины, шаги, голоса. Конрад шёл вперёд уверенно, не оглядываясь. Люди скользили по нему взглядами и забывали сразу же.

Где-то на краю внимания оставалось ощущение сдвига. Что-то в этом утре отличалось от других. Мысль не оформлялась, не требовала реакции. Ухватить странность было невозможно, да и не нужно. Просто что-то появилось там, где раньше его не было.

— Потом разберётся, — пробормотал Конрад, ныряя в переулок, доставая короткий кинжал и рисуя в воздухе переход. Из точки А в точку Б направился спиритист со скоростью две складки пространства в секунду.

Работа ждала.

02. Тело без дела

Подъезд пах пылью, кошачьей мочой и варёной говядиной. Обычный букет старых домов, где про консержа знали только из фильмов, а на слово "клининг" отвечают: "Это где-то в Саратове?"

Со стороны лестничного пролёта звучал ленивый диалог. Конрад остановился, прислушался:

– Нахера столько мороки? – Не в курсе. Я только пожрать собрался. – Нам оно вообще надо, с подорванной жопой нестись? – Да если мы на каждый вопль этой кошёлки будем гнать всей толпой...

В пролёте стояли два копа. Один ковырялся в мобильнике, второй курил, выдыхая дым в открытое окно. На появление Конрада они кивнули без удивления.

– Шестой этаж, – сказал курящий. – Квартира справа, не перепутаешь. – Спасибо, – отозвался Конрад.

Лифт не работал. Пришлось идти пешком.

Во дворе какие-то рабочие долбили отбойным молотком асфальт. Грохот прорывался через тонкие стёкла и раздражал. Конрад поморщился: звук отсечь можно простейшим сигиллом, но по процедуре магия в радиусе ста метров от места дознания запрещена. "Крысюки" с важным видом объясняли это тем, что любые воздействия могут оказать разрушительное влияние на тонкий магический фон и испоганить картинку места преступления. Полная чушь: банального барьера-"консервы" хватало за глаза. Тем более что его уже поставили: между пятым и шестым этажом воздух чуть дрожал красной полупрозрачной плёнкой, а перед ней висела яркая лента.

Конрад поднял ленту, пролезая дальше, коснулся плёнки. Ладонь на секунду замерла в воздухе и двинулась дальше – "консерва" признала своего. Можно идти.

За барьером шум отбойника наконец-то пропал, оставив место обычной тишине подъезда. Конрад незаметно выдохнул. Он закрыл глаза, одними губами пробормотав формулу самонастройки. Во всяком случае, он называл её именно так, для простоты. Кожу обдуло ледяным ветром, игнорируя толстую куртку. Зрение раздвоилось, как будто у Конрада выросла дополнительная пара глаз, видящая в другом спектре. В этом спектре картинка стала выцветшей, серой. Железная дверь одной из квартир покрылась ржавчиной – обычный признак близкой смерти, тяжелобольных и стариков.

"Вот и кошёлка", – усмехнулся спиритист.

Дверь "места преступления" в мире живых была открыта настежь. Замок не был выломан, петли на месте. Как будто кто-то просто забыл закрыть её. Видимо, встречал курьера и побежал наверх ловить выбежавшую кошку. Сейчас вернётся. Ну да.

Квартира встретила его... Никак. Обычное место, без следов некротики, недавней смерти или чего-нибудь ещё. Ни мути, ни мурашек по заднице. Узкая и тёмная прихожая, в которой стояла пара кроссовок, заваленный хламом комод в углу, зеркало над ним в деревянной раме. Конрад сделал несколько шагов, войдя в короткий коридор. Прямо кухня, налево туалет с ванной, направо одна-единственная комната. > Комната тоже не отличалась оригинальностью. Кровать, стол, кресло. На кресле сидело сутулое и лохматое тело в безразмерных тряпках. Оно бормотало что-то нецензурное под нос и строчило в ноутбуке, лежащем на коленях. Рядом валялся объёмистый рюкзак.

Конрад постучал костяшками пальцев по дверному косяку. Тело едва заметно дёрнулось от неожиданности, после чего подняло взгляд. Митя. Криминалист. Коллекционер всех возможных стереотипов о парнишке не от мира сего. Главная боль в заднице технарей из отдела, потому что "умный дохера". Свой.

– Что там? – Говно. – Пустое? – Пустое.

У Мити была своя шкала происшествий. Простая бытовуха, банальные пьяные драки или что угодно ещё, к чему можно написать отчёт за пару часов, именовались у него "поебенью". Жестокие убийства, бандитские разборки, расчленёнка, серийные маньяки и всё, с чем придётся поработать подольше, переходили в класс "пиздеца". Обычно это произносилось протяжно, задумчиво и синхронно с выдохом облака сигаретного дыма. Что первый, что второй класс имели подвиды. Например, "пиздец" делился на "кровавый", "отбитый", "банальный" и "леденящий душу". Градация была очень удобной, и на неё незаметно переключались все, кто имел хоть какое-то дело с Митей.

И была ещё одна категория, на которую как раз и вызывали Конрада. "Говно". Несходящиеся концы с концами, отсутствие тела, магические следы... Всё то, на чём мирская логика поднимает лапки и говорит: "Я пойду, пожалуй". Здесь подвидов было больше, чем во всех предыдущих происшествиях, вместе взятых. Самым отвратительным было именно "пустое говно". Это значит, что нет ничего. Вообще ничего: ни следов, ни тела, ни орудия, ни преступника.

– Хоть пальцы есть? – Да хер там ночевал. Полная чистота, как будто здесь жил долбаный святой дух. В кроссовках, лять. "Мария Селеста" в нашем уютном городке, торпеду ей в корму.

Конрад оглядел квартиру ещё раз. Здесь жил человек. Человек спал, ел, мылся и гадил. Человек оставлял следы с обеих сторон, злясь, радуясь, нажираясь, трахаясь... Всё это видно там, где сейчас смотрел Конрад. Точнее должно быть видно.

– Тут стерильно. – Пришёл-убил-забрал? – И смерть тоже забрал. – Чего? – Того. Здесь не было смерти, никогда. Ни одной. – А призраки? – Ни одного. – Говно. – Говно.

Конрад уселся на пол по-турецки. Достал из внутреннего кармана зип-лок, раскладной металлический стакан и короткий кинжал. Высыпал содержимое пакета в стакан, поджёг, затушил, оставив чадить. Митя выругался: "Твою мать, опять болиголов" и выбежал из квартиры, хлопнув дверью.

Дым спускался из чаши вниз, стелился по полу, тянулся языками вверх, покрывая мебель сероватой пеленой. От мебели – по стенам. От стен – на потолок. Ровная пелена. Слишком ровная. Идеальная.

Конрад задумчиво осмотрел получившуюся картину. Резко махнул над стаканчиком ладонью – дым втянулся, собрался в плотный шарик перед лицом. Короткий взмах кинжалом, "отсекающий" его от сосуда. Быстро подставленная ладонь. Шарик упал на неё, тяжело, будто сделанный из металла.

Спиритист прошёл в ванную. Проточная вода из крана сняла сторонние воздействия с инвентаря. Хитро ухмыльнувшись, маг утянул мыльницу с раковины, засунув шарик в неё и закрыв крышкой.

В дверном проёме появилась лохматая голова: – Ну что там? – Действительно говно. Дома проверю. – Позвонишь? – Куда я денусь?

По дороге домой Конрад достал мобильник, выбрал в списке контактов "Шеф", набрал. Гудки – и усталый голос.

– Ну что там? – Пока пусто. Абсолютно. Мне нужны все подобные случаи за последние пять лет. Чем старше – тем лучше. – Архив взвояет. – Тяжёлый вздох. – Ладно. Будут тебе случаи. Придешь послезавтра в отдел, что-нибудь уже накопает. Не пропадай далеко, пожалуйста. – Как пойдёт. Ещё один тяжёлый вздох. – Конрад, я всё понимаю, правда. Но пока есть дело, ты всё время на связи, сто раз говорил же. – Как пойдёт. – Сам будешь отбрёхиваться. Я задрался тебя прикрывать. Я просто чудом до тебя дозвонился утром, и как вообще звёзды сошлись? – Значит, было надо, чтобы дозвонился. – А на прошлой неделе, значит, не надо было?! – взвился собеседник. – Значит, не надо. – Да иди ты в жопу, Тоттенгюттер! – Разрешите пойти? – Сука!!!

Звонок оборвался. На каменном лице Конрада проступила ухмылка.

03. О живых и о мёртвых

До дома — примерно час пешком. Торопиться некуда, и Конрад решил прогуляться, заодно поразмыслить.

Сейчас было не время для диалога с городом, поэтому инструменты остались в квартире. Разве что чуть-чуть, позволить любопытным ушам проникнуть в разговоры встречающих людей, прочитать намёки в узоре платья встречной девушки. Не более.

Дело странное и прямо сейчас совершенно непонятное. Так отчётливо вычищают за собой, когда хотят спрятать следы — но зачем? Враг? Конкурент? Или просто случайность?

И что за шум? "Кошёлка", судя по двери, была просто больной старухой. Такие завидуют всему миру, что он продолжает жить, когда их время подходит к концу. Они пытаются найти для себя смысл и находят в паранойе и ненависти к неведомым врагам. В приспешники неведомых врагов такие бабки записывают каждого, кто оказывается рядом. За то, что шумит ночью, за то, что одет не так... За то, что осмеливается жить.

"Забавно. За Гранью они редко меняются и распадаются в считанные минуты. Расползаются на куски от ненависти. Не хватает сил удержать свою призрачную тушку от энтропии", — подумал Конрад.

Дорога перешла в широкий проспект. Город давно проснулся, залитый солнцем, заполненный спешащими людьми. На крыше трое в оранжевых робах что-то ремонтировали; слышно было гудение огромной горелки и видно пламя. Мать везла коляску с любопытным детёнышем. "Скорая помощь" стояла возле одного из подъездов, и двое санитаров меланхолично заталкивали в машину носилки, накрытые тёмной тканью. Под тканью угадывались контуры тела. Люди рождались, росли и умирали. Город жил и ему было плевать на одного отдельно взятого спиритиста. Во всяком случае, до наступления ночи.

Он заметил её не сразу. В сотне метров от него было холоднее и больнее, гораздо больнее. Воздух ощущался тёмным и густым — следы тяжёлой скорби и привязанного призрака.

Она шла. Медленно. Как механизм, который забыли выключить. Как мертвец, забывший, что его нет в живых. Тёмная, намеренно невзрачная одежда. Осунувшееся лицо человека, разучившегося спать.

Она как будто боялась добраться до места. Потому что закончится безвременье, закончится дорога, промежуток между серыми эпизодами её жизни. Туфли, покрытые слоем пыли, поднимались в воздух и опускались снова. Хозяйке давно было наплевать на их чистоту.

Та, что когда-то была прекрасной девушкой, а сейчас отказалась даже от того, чтобы быть человеком.

Вслед за ней держался мужчина. Высокий, крепкий, широкоплечий, в дорогом костюме. И он совершенно точно был мёртв уже много месяцев. Конрад отметил обычные признаки распада: рябь контура, прорехи в фигуре, дёрганные движения... Он не мог собрать себя обратно.

Примерно раз в минуту он пытался обогнать спутницу, наклониться к её уху, что-то сказать — но останавливался. В этот момент порыв ветра шевелил прядь волос у уха живой.

Она даже не ёжилась. Её не интересовало ничто, кроме плитки тротуара под ногами.

Конрад нагнал пару.

— Ты плохо держишься.

Голос заставил мужчину вздрогнуть. Рябь пошла по телу ещё сильнее. Потом он собрался.

— Я пытаюсь. Пытаюсь сказать ей. Быть с ней. Защитить, — голос звучал глухо. — Но ей только хуже. Что я делаю неправильно?

— Всё. Её нужно отпустить. Ваша нить расплелась.

Конрад говорил негромко, с сочувствием и печалью.

— Но тогда она упадёт. Она держится за меня.

На плечо призрака легла живая рука. В ладонь ударила знакомая пустота, треснутая, нестабильная. Конрад влил каплю жизни в распадающийся каркас, внёс укрепление. Совсем чуть-чуть. Как подложить полено в костёр, который всё равно догорит.

— Ты распадаешься, — сказал он. — Но не из-за неё. Ты просто держишься за привычку.

Призрак выдохнул. Его лицо стало чётче.

— А она?

— Она живёт, — ответил Конрад. — И будет жить дальше. С тобой или без тебя. Это не твой выбор.

Женщина резко обернулась.

— С кем вы разговариваете?

Голос дрогнул, но в нём ещё держалась вежливость. Последняя.

Конрад перевёл на неё взгляд. Несколько секунд смотрел, оценивая. Потом ответил честно:

— С вашим мужем. Он боится вас оставить.

Мир треснул.

Женщина вскрикнула. Не громко — резко. Слезы хлынули сразу, без переходов. Она сделала шаг назад, потом ещё один, замахнулась и ударила.

Пощёчина вышла неловкой, но звонкой.

— Убирайтесь! — закричала она. — Убирайтесь к чёрту!

Конрад машинально потёр щёку. Боли не было.

— Я помог, — сказал он растерянно. — Он больше не распадается.

Призрак смотрел на него долго. Потом медленно кивнул.

— Ты хороший, — сказал он. — Просто не для них.

Он отпустил.

Женщина осела на корточки, захлёбываясь рыданиями.

Конрад постоял ещё секунду. Потом развернулся и пошёл дальше.

— Люди, — пробормотал он себе под нос. — Ни хрена не умеют умирать вовремя.

04. На три метра вглубь

Пространство поддавалось привычно и спокойно.

Шаг с оживлённого проспекта — на другой проспект. С него — на другую улицу. Третью. Пятую. Проход по связям, танец между точками, схожими очертаниями домов. С каждым шагом людей вокруг становилось всё меньше, а здания уменьшались, ужимались и старели.

Последняя складка вывела его на край крошечного города у реки.

Дальше Конрад пошёл пешком. Полчаса бродил по улицам, принимая город в себя и при-ветствуя. Приходя сюда, он всегда "здоровался" и оставлял гостинцы: кусочек ветра, который решил спрятаться в лёгких и поскакать с ним по складкам пространства; несколько монеток из какого-то замшелого фонтана; сигарету, тайком украденную прямо изо рта зазевавшегося прохожего неделю назад.

Посреди грунтовой дороги, оканчивающейся резким обрывом и крутым спуском, он остановился. Отсюда было уже рукой подать до рабочего места.

Это был личный этикет. Можно было просто прийти и напрямую, сразу к нужному месту, без всей этой чехарды. Мироздание и так прогибается под волей — нужно оставить хотя бы малейшую систему за собой. Опорные пункты, от которых можно выстроить логичную последовательность.

Мироздание любит логичность, даже когда его трахают в задницу без смазки.

У небольшой пристани Конрад ускорил шаг. Влажные доски пирса пружинили под тяжёлыми ботинками, старчески скрипя. Отсюда к его цели два раза в день отправлялись теплоходы: лениво ворчали, загребали медленнее обожравшейся утки. Пара часов поглядывания в окно на прибрежные пейзажи — и ты на месте.

Конрад терпеть не мог такое занудство.

Ближе к краю пирса он перешёл на бег.

Три шага — прыжок — и тело сливается с речной гладью.

Беззвучно. Ни одного круга не пошло по воде.

На небольшой полянке было тихо. Место явно обжитое: об этом говорили костровище и удобно лежащие брёвна, на которые можно примостить уставшую задницу какого-нибудь туриста.

На относительно пустом пяточке Конрад вынырнул из воздуха, сгруппировался, перека-тился и встал, отряхнувшись. Огляделся, убедился, что свидетелем ему была только какая-то вспорхнувшая птица, и двинулся по тропинке, которая вела ко входу в местные заброшенные каменоломни.

Птица истерично орала от удивления.

Спуск занял больше времени, чем он рассчитывал.

Не из-за расстояния, просто сегодня нужно было идти осторожно. Камень не крошился и не осыпался, только предупреждал о том, что позёрство сегодня нужно оставить снаружи. Шершавый, плотный, местами влажный, местами сухой, как старая кость. Известняк держал форму упрямо и честно. Камень помнил руки, кирки и дыхание людей, которые работали при свете коптящих ламп.

Воздух становился плотнее с каждым шагом. Будто пространство экономило движения, отказываясь шевелиться лишний раз.

Свет фонаря нашёл отблески влаги. Голубая глина начиналась внезапно: глухая масса, затянувшая старые проходы, сгладившая углы, стеревшая следы. Когда-то здесь можно было пройти дальше. Теперь это лишь тупик, даже мышь не смогла бы пролезть. Конрад не был мышью.

Шаг к стене. Заученное касание остриём кинжала щели в камнях. Кинжал проваливается в стену, вслед за ним проваливается и спиритист.

Свет выхватывает очередной коридор с тупиком на конце.

Новая стена, новый короткий укол, новое исчезновение.

Коридор за коридором. Тупик за тупиком.

Под рекой было тише.

Тишина здесь существовала как состояние. Собранная, устоявшаяся. Сюда не проникал воздух, не прятались летучие мыши в норах, даже вездесущие метки на стенах отсутствовали, как будто им здесь было не место. Многому тут было не место. Ритуальная пещера была простой по форме. Низкий потолок, ровный пол, слегка закруглённые стены. Рабочий объём, лишённый всякой претензии. Пространство, в котором удобно находиться и делать своё дело.

Грань здесь была тонкой настолько, что звать её не требовалось. Она присутствовала сама. Как температура. Как давление. Как факт. Обычный человек, оказавшись здесь, сначала бы сел. Усталость здесь была ни при чём — просто спешка утратила бы смысл. Наблюдал бы, как его мысли становятся всё медленнее, а затем исчез. Тихо и окончательно. Мир просто убирал лишний элемент, не утруждая себя жестами.

Об этом знали. Об этом говорили. Придумывали катакомбы, секты, кровавые ритуалы и жестокие убийства. Людям проще объяснить исчезновения чьей-то волей, чем местом, где их никто не удерживает.

Конрад стоял спокойно.

Он подошёл к широкому плоскому камню в углу, щёлкнул кнопкой — висячий фонарь закачался и разбросал тени по стенам. На импровизированном алтаре уже лежали рабочие инструменты — чаша, кинжал, стопка тёмных дощечек, небольшое стило. Место ощущалось подходящим, здесь можно было работать долго.

Он поднял взгляд и на секунду задержал дыхание. Мир мёртвых находился рядом. Внахлест, со смещением, почти касаясь. Он ждал.

— Ну, — тихо сказал Конрад, больше себе, чем кому-либо ещё. — Поехали.

Слепок "распаковался" легко, завис уменьшенной копией квартиры перед лицом. Крошечная мебель, гладкие стены, провалы окон — всё было здесь, под носом, гладкое и аккуратное. Чистое. Слишком чистое.

Люди оставляют след, всегда. Дому было лет тридцать, так что за это время в мелкой однушке успела умереть как минимум одна семья, если не больше. Опять же, фон от соседей. Дверь соседки была покрыта ржавчиной — следовательно, её квартира внутри была чернее чёрного, впитывая близкую смерть. И эта чернота обычно расплывается на весь этаж. Особенно чувствительный человек мог ощущать это как постоянный сквозняк, а начинающий практик увидел бы мерзкие пятна на стенах. Конрад мог по виду такого пятна спокойно определить степень близости источника, тяжесть болезни и при особенно внимательном изучении назвать примерный срок, когда подъезд посетят "скорая" и ритуальщики.

Здесь же было пусто. Ни. Че. Го.

— Бу.

Голос, обычный, человеческий, раздался над самым ухом. Конрад раздражённо дёрнул головой:

— Ну и нахрена?

Роман стоял сбоку, слегка наклонившись, будто только что заглянул через плечо. Выглядел он как человек, которого сложно описать: куртка, рубашка, штаны, ботинки — всё вроде бы обычное, но сидело как-то не так, будто надето впопыхах и не совсем на своё тело. Лицо цеплялось плохо, детали ускользали. Запоминалось только выражение глаз — внимательное, рабочее, смотрящее сквозь.

— Да хрен его знает, выделяюсь. Просто заходить и здороваться неинтересно. Он прошёлся по комнате, тихо, аккуратно. Воздух за ним будто слегка выравнивался, становился ровнее, чище.

— Колдуешь? — спросил он, бросив взгляд на застывшую копию квартиры.

— Скульптуры леплю, — огрызнулся Конрад, — из глины. Смотри, какой слоник красивый выходит. Нахрена такие банальные вопросы?

— С тобой от скуки сдохнуть можно.

— Ты уже.

— Не, — хмыкнул Роман, — ты тогда даже у бати в штанах не шевелился. Завязывай. Тут пусто, сам же видишь.

Фонарь под потолком бил жёстко. Свет дробился о каждую неровность, о каждую трещину, о каждую складку камня. Стены пещеры были утыканы тенями — густыми, ломаными, многослойными. Они наползали друг на друга, дрожали, расходились и сходились снова, будто пространство само не могло определиться, где у него форма. И только один силуэт их не отбрасывал.

Роман стоял чуть в стороне, прислонившись к стене. Свет проходил сквозь него, не цепляясь. Ни одной тени — ни под ногами, ни за спиной. Будто фонарь его просто не замечал.

— Слушай, — сказал он буднично, без вступлений, — мне тут голубьдохлый накурлыкал. Конрад поднял взгляд от алтаря.

— Уже интересно.

— Да не особо, — Роман почесал затылок жестом, в котором не было нужды. — Сижусь с нашими, значит, никого не трогаю. И тут один из нюхачей начинает зудеть. Мол, пришёл проверить, как там свежий трупик, душа выходит, всё по графику... А там — хуй.

Он развёл руками. Жест получился слишком живым для того, кто не должен был иметь рук.

— Пусто. Вообще. Ни следа, ни хвоста. Даже фона нормального нет. И он такой стоит, репу чешет, ноет: «Старею, говорит. Раньше бы сразу почуял, а теперь вот...»

Роман хмыкнул.

— Думает, что у него нюх отвалился. А мне чёт показалось, что не в нём дело.

Конрад медленно выдохнул.

— Где?

— Да похоже, что вот здесь, — гость махнул рукой в сторону слепка, — дай угадаю, средней паршивости трущобка в спальном районе? Соседи как соседи, должно быть всё засрано, а там стерильнее, чем кот-кастрат?

Он оттолкнулся от стены, прошёлся по кругу. Тени плясали по камню, но рядом с ним каждый раз образовывалась пустота, выеденное пятно, где свету было не за что зацепиться.

— Я сначала подумал, что кто-то из наших заранее подчистил, — продолжил он. — Но нет. Никто не признаётся. Да и стиль не наш. Слишком... аккуратно.

Он остановился напротив Конрада.

— Так что я сюда и припёрся. Ты ж у нас любишь копать там, где «ничего нет». Конрад усмехнулся краем губ.

— Люблю, — сказал он. — Особенно когда «ничего» начинает жаловаться, что его не нашли.

Роман кивнул, довольный, будто наконец передал посылку по адресу.

— Вот и я о том же. Ты поковыряй. А я пока гляну, не начал ли кто-то жрать чужую работу.

Он сделал шаг назад, растворяясь в свете фонаря.

— А то нюхачи у нас и правда стареют. А мудаки — нет.

Тени снова сомкнулись, заполнив пространство.

Конрад опустил взгляд на слепок.
Пусто — значит, кто-то очень постарался.
Или кто-то пришёл раньше.

05. Опасна и трудна

Дверь участка закрылась за спиной с тяжёлым стуком. Доводчик дожал её с противным скрипом, не желая отпускать.

Внутри всё было обыденно. Проходная пахла растворимым кофе из большой банки, табачным шлейфом и разогретой гречкой. Стены блестели неровной казённой краской, местами вспухшей у плинтуса. Лампы наверху давали "дневной свет" и моргали, отвратительно звеня.

Металлодетектор привычно пискнул. На фоне облезлой краски он выглядел почти роскошью. Дежурный даже не поднял головы.

— Проходи, — сказал он, листая журнал.

За стеклянным окном "дежурки" орали в трубку:

— Я вам уже сказал, пишите заявление! Нет, не по телефону! Лично!

Второй дежурный, молодой, ковырялся в системе учёта, бормоча под нос фамилии. На столе стояла кружка с коричневыми потёками по краям.

Конрад прошёл мимо, не замедляясь.

— К Шефу? — спросил всё-таки старший дежурный, прикрыв трубку ладонью. — Да. — У себя. С утра уже бесится.

Сказано без злобы, как прогноз погоды.

В коридоре было тесно и шумно. Двери открывались и закрывались с разной степенью раздражения. Люди появлялись и исчезали. Из-за дверей доносилась смесь мата, смеха, телефонных звонков и шума старого принтера.

— Ты мне отчёт скинул или опять в черновиках? — Я тебе его ночью отправил! — Ночью я сплю!

Мимо Тоттенгюттера быстро прошёл опер с папкой под мышкой, на ходу застёгивая кобуру. Он на секунду задержал взгляд — не из страха, скорее из любопытства — и пошёл дальше.

На подоконнике стояли пластиковые стаканчики с недопитым чаем. На стене висела доска с ориентировками — лица, подписи, даты. Стажёр, вжав голову в плечи, оттирал "урод" с одной из фотографий.

В кабинете, дверь которого была приоткрыта, раздавался женский голос:

— Я вам говорю, это был крик!

Стул скрипнул. Мужской голос ответил что-то ровное и усталое.

Конрад не повернул головы.

Он шёл насквозь, существуя отдельно от коридора. Никого не задевал, никому не уступал, не говорил ни с кем.

У двери с табличкой "Начальник отдела" он остановился на секунду. Ручка была стёрта до металла. Конрад коротко постучал и сразу нажал на ручку.

Внутри было тише.

Кабинет был завален делами. Папки лежали на шкафах, на подоконнике, на полу возле стены. Жалюзи опущены наполовину, полосы света резали стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.